

УДК 1:316.3; 316.344.44

© С.А. Сухачев

**БЕДНОСТЬ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В статье проанализирована сущность бедности как деструктивного фактора функционирования социального механизма трудовых отношений. Осуществлен анализ социального аспекта бедности, рассмотрены пути ее локализации.

Ключевые слова: социальный механизм функционирования трудовых отношений, теневая экономика, трудовые мигранты.

S.A. Sukhachov

**POVERTY AS A DESTRUCTIVE FACTOR OF SOCIAL MECHANISM
OF LABOR RELATIONS FUNCTIONING**

The article analyzes the essence of poverty as a destructive factor in social mechanism of labor relations functioning. The analysis of poverty social aspect has been made, the ways of its localization are outlined.

Keywords: social mechanism of labor relations functioning, shady economics, labor migrants.

В условиях перехода украинского социума на траекторию инновационного, постиндустриального развития существует острая потребность в реализации эффективных механизмов ускоренного и действенного обновления всех сфер общества. Среди таких механизмов особая роль принадлежит социальным механизмам, в структуре которых определяющее значение имеют социальные отношения, выступающие базовым структурным элементом общества, формой взаимосвязи всех социальных общностей и в первую очередь между богатыми и бедными. Поэтому становление и развитие гражданского общества в Украине предусматривает прежде всего повсеместное формирование мощного слоя работающих собственников как надежной основы среднего класса, а также дальнейшую локализацию бедности широких слоев современного украинского социума, которая существенно тормозит практическую реализацию его евроинтеграционных устремлений.

Бедность сегодня во многом выступает в качестве существенной угрозы как социального партнерства, так и политической стабильности украинского общества, поскольку «...почти 80% жителей Украины видят себя на трех нижних ступеньках социальной лестницы. В середине этих трех слоев наблюдаются негативные тенденции: более массовой становится слой «социальных низов», тех, кто считает себя капитально отчужденным и от собственности, и от власти, и от социального уважения» [1, с. 15]. Мы отдаем себе отчет в том, что приведенные данные четвертинадцатилетней давности и что, возможно, на сегодняшний день в Украине ситуация изменилась к лучшему. К сожалению, ныне «степень

тревоги населения вследствие бедности и безработицы достигает почти 70%» [2, с. 6], что свидетельствует о том, что преимущественное большинство украинцев считает себя капитально отчужденными и от собственности, и от власти, и от социального уважения, что объективно сводит на нет ритмичное функционирование социального механизма трудовых отношений, в многогранную структуру которого входит прежде всего отношение к труду и потребность в нем. Именно бедные слои общества, которые пребывают в некомфортных условиях выживания, зачастую демонстрируя негативное отношение к труду, так и не обнаруживают устойчивой потребности в нем. При этом нельзя забывать, что бедные слои общества, которым присуща своя субкультура, проникнутая пассивностью, иждивенчеством и утилитарным потребительством и для которых цивилизованный, европейский образ жизни и его в первую очередь социальные стандарты являются несбыточной мечтой, постоянно демонстрируют свое специфическое, субъективное отношение к жизненным ценностям. Более того, «...подобная категория членов общества, – справедливо отмечает Т. Пыкина, – становится источником возникновения и распространения всевозможных деструктивных социальных явлений и процессов» [3, с. 140]. Данное обстоятельство не может не актуализировать вопрос о бедности как деструктивном факторе функционирования социального механизма трудовых отношений.

Вот почему, анализируя проблему бедности как негативного фактора функционирования социального механизма трудовых отношений, необходимо подчеркнуть, что комплексное осмыс-

ление путей деотчуждения значительных бедных слоев современного украинского общества от собственности, власти и социального уважения во многом блокируется самой сущностью, природой так называемого «нового советского человека», который является наследием, «родимым пятном» тоталитарной системы и черты которого, образно говоря, не испарились как эфир за годы независимости Украины. В этом плане мы разделяем позицию В. Губина о том, что одним из существенных грехов советского социализма выступает «новый советский человек», который не умеет, не хочет и не любит работать, ни к чему не стремится, ничего не добивается и свою посредственность рассматривает как нечто положительное» [4, с. 4].

Не секрет, что так называемое равенство в бедности советских людей во многом предопределило существование «нового советского человека», который в сущности не умел, не хотел и не любил качественно, без брака и халтуры работать, демонстрируя при этом паразитическую уверенность в социальной защищенности и агрессивную зависть к каждому честно заработанному рублю. При этом автор далек от мысли о том, что только бедные слои обнаруживают негативное отношение к труду, ибо еще с начала 1990-х гг. прошлого столетия в украинском обществе среди молодежи, в том числе и в студенческой среде, наблюдается стойкая тенденция презрительного, негативного отношения к труду, поскольку около 70% студентов 18 высших учебных заведений Украины среди своих «ненавистных слов» называли «труд», «честь» и «порядок» [5, с. 176].

Вместе с тем, исследуя вопрос о бедности как деструктивном факторе функционирования социального механизма трудовых отношений, следует особо отметить, что «в современном мире реальная экономика, которая производит реальные товары и услуги, становится невыгодной» [6, с. 2], поскольку значительно большую прибыльность обеспечивают, скажем, операции с ценными бумагами, игра на разнице валютных курсов. Более чем понятно, что сегодня бедные слои общества, которые в своей массе интегрированы именно в реальную экономику и практически никак не связаны с операциями с ценными бумагами и игрой на разнице валютных курсов, объективно лишены возможности вырваться из числа тех социальных слоев, которые являются аутсайдерами современного глобализованного общества. При этом не будем забывать, что для «многих людей в посткоммунистических странах деньги, удовольствия и потребление,

нежелание трудиться, но стремление иметь максимум вознаграждений при минимизации трудовых издержек стали формой реального существования "экономического человека"» [7, с. 28]. Именно в условиях невыгодности самой реальной экономики, что не может не оказывать существенного воздействия на анализируемые бедные слои глобализованного общества, в котором трудовые отношения, базирующиеся непосредственно на прямом экономическом принуждении к труду, отражающие диалектику господина и раба, являются уже не в полной мере эффективными. В связи с этим необходимо отметить, Ж. Бодрийяр справедливо заметил, что в постиндустриальных обществах труд выступает формой своеобразной социальной игры, которая в значительной мере изменяет традиционные приемы эксплуатации и трансформирует труд в особую компенсаторную функцию действительной власти капитала, когда труд уже не является эксплуатацией, а выступает подарком капитала [8, с. 107]. Данное обстоятельство свидетельствует о коренных преобразованиях во всей системе трудовых отношений современного глобализованного общества, в котором «сама возможность организации трудовых отношений в сфере труда предполагает создание особенной конвенциональной ситуации согласования интересов работодателя и работника, которая осуществляется в форме игрового взаимодействия» [9, с. 10].

Вместе с тем оптимальная форма подобного игрового взаимодействия неизбежно должна отражать приемлемое сочетание интересов работодателя и работника, состоящее в том, что последний обязан выполнять свои трудовые функции максимально качественно, эффективно, быстро и результативно. Более чем понятно, что бедные слои современного общества, в силу своих квалификационных, образовательных параметров, по большому счету никак не вписываются в отмеченную оптимальную форму игрового взаимодействия, отражающую сущность трудовых отношений информационного социума.

Исследуя вопрос о социальном измерении бедности, стоит сказать, что существенным направлением ее локализации выступает именно государственная политика развития малого и среднего бизнеса, являющаяся объективной основой формирования среднего класса как важного условия консолидации общества и дальнейшего развития его гражданских структур. Однако практический опыт Украины по дальнейшему развитию малого и среднего бизнеса

свидетельствует о крайне противоречивых тенденциях в этом направлении. Это подтверждает тот факт, что после 1992 г. в Украине функционирует всего 200 тыс. предпринимательских структур, тогда как, скажем, в Польше их насчитывается 2 млн [10, с. 68]. И если принять во внимание именно социальный аспект проблемы становления малого и среднего бизнеса как реального пути локализации бедности и условия формирования самодостаточных, зажиточных слоев общества, то необходимо сказать, что сегодня крайне низкий уровень официальной заработной платы уже стоит на пути экономического развития страны, поскольку согласно данным Международной организации труда, средняя зарплата в Украине составляет 213 долларов США, что значительно меньше, чем в Белоруссии (395 долларов) и даже в Китае с его крайне дешевой рабочей силой (356 долларов), в то время как в Польше, которая в начале 90-х гг. прошлого столетия пребывала еще в худших экономических условиях, средний размер заработной платы колеблется в пределах 929 долларов [11, с. 10]. Все это говорит о низком уровне мотивации труда в Украине и сравнительно высоком – в Польше.

Проблема бедности, ее существенной локализации является весьма актуальной для современной Украины, которую характеризует то, что именно носители интеллектуального богатства – интеллигенция в своем абсолютном большинстве – по своему материальному положению, в первую очередь по уровню доходов, отвечает статусу не столько «новых украинцев», сколько «новых бедных». Поэтому, анализируя проблему бедности как деструктивный фактор функционирования социально механизма трудовых отношений, важно отметить, что именно в условиях информационного общества складывается ситуация, когда появляется значительная часть работников, которых невозможно отнести к какому-либо традиционному социальному слою: ни к рабочим, ни к фермерам, ни к бизнесменам. Это интеллектуальные работники, которые являются служащими своих организаций и не могут быть эксплуатируемы как класс и при смене ими работы происходит изменение их социальных и экономических позиций [12, с. 38]. Поскольку смена своих экономических и социальных позиций людей интеллектуального труда, т.е. «новых бедных» в Украине, в силу неритмичного функционирования социального механизма трудовых отношений, не дает им возможности обладать истинно европейскими стандартами жизни, в настоящее время мы наблюдаем

крайне негативный процесс «утечки умов», который существенно блокирует евроинтеграционные устремления современного украинского общества. Ведь то, что 90% молодежи – именно специалистов по высоким технологиям – стремится выехать за рубеж на постоянное место жительства [13, с. 52], выступает наглядным примером деструктивного воздействия бедности на функционирование социального механизма трудовых отношений, который призван обеспечивать высокий социальный статус людей интеллектуального труда, стимулируемый надежным образом материально и морально.

Вот почему создание действенного механизма материальной и моральной мотивации труда путем значительного повышения зарплат может быть обеспечено в результате запланированного удвоения ВВП в течение текущего десятилетия [14, с. 5]. Однако сегодня результаты определенного роста ВВП оседают преимущественно в верхних слоях общества и только крохи достаются бедным слоям населения. Причем анализируемая негативная тенденция развития современного украинского социума как бы накладывается на еще одну, не менее угрожающую социально-экономическую и политическую проблему общества: расширение объемов теневой экономики вследствие утраты государством эффективного контроля над производством и распределением материальных благ. Достаточно сказать, что теневая экономика создает половину ВВП, а ее функционирование всецело происходит за пределами правового поля государства, что порождает благоприятную среду для коррупции и повсеместного углубления имущественного расслоения украинского общества, генерирующего значительные массы бедного населения. Следует особо подчеркнуть, что в современной обществоведческой литературе имеются данные о том, что объемы теневого сектора экономики в Украине в 4 раза превышают масштабы легального [15, с. 48]. В связи с этим совсем не случайно почти треть фонда заработной платы в Украине – 145 млрд гривен выплачивается в конвертах, а 5 млн трудоспособного населения пребывает вне легального рынка труда [16, с. 4].

Таким образом, мы имеем все основания, чтобы говорить о наличии в Украине двух рынков труда – легального и теневого. Критерием такого разделения выступает в первую очередь неуплата налогов в огромных масштабах, что негативно сказывается на практическом решении крайне острых социальных проблем: минимизации бедности и создании мощного слоя ра-

ботающих собственников как объективного условия становления и развития гражданских структур как признака постиндустриального общества.

Итак, до того времени, пока, с одной стороны, результаты определенного роста ВВП будут и в дальнейшем оседать преимущественно среди богатых и лишь незначительные крохи будут доставаться нижним слоям населения, которые нередко вынуждены быть интегрированными в теневую экономику, в украинском обществе выглядит довольно проблематичной перспектива преодоления причин хронической бедности большей части населения. С другой стороны, наличие в современном украинском социуме значительных масштабов бедности во многом тормозит процесс развития демократии и гражданских структур, поскольку теневая экономика, которая является реальностью нашего времени, выступает антиподом прогрессивного, европейского, развития современного украинского общества.

Вместе с тем, исследуя вопрос о бедности как деструктивном факторе функционирования социального механизма трудовых отношений, необходимо сказать о невозможности значительных трудоспособных групп населения самореализовать себя в сфере труда и вынужденных выезжать за границу в поисках работы, что вызвало к жизни существенную социальную, политическую проблему массовой трудовой миграции современного украинского социума. Причем данная негативная тенденция приобретает все большие масштабы и выступает показателем социального неблагополучия миллионов простых украинцев. Так, согласно информации дипломатических представительств Украины, в Польше на заработках пребывает 300 тыс. граждан, в Италии и Чехии – по 200 тыс., в Португалии – 150 тыс., Испании – 100 тыс., Турции – 35 тыс., в США – 20 тыс. В России только официально (на основании лицензии Федеральной миграционной службы этой страны) работает около 100 тыс. украинских граждан, общее количество украинцев, которые работают в РФ, колеблется в пределах 1 млн [17]. Необходимо особо отметить, что экономисты оценивают общее число украинских трудовых мигрантов в 5 млн человек, а политики поднимают эту цифру еще выше. Например, экс-уполномоченный Верховного Совета Украины по правам человека Н. Карпачева считает, что на заработки за границу выехало около 7 млн граждан [17]. Вместе с тем не может не вызывать беспокойства то обстоятельство, что по данным социологическо-

го опроса «Фонда демократических инициатив» и Киевского института социологии 16 млн украинцев хотели бы навсегда покинуть Украину [18]. И если к этим 16 млн добавить еще вышеупомянутых 7 млн украинских граждан, которые работают за границей, то имеем суммарную цифру 23 млн граждан Украины, которые в принципе, не связывают свое будущее с судьбой своей Родины. Полностью закономерно, что Украина занимает третье место в мире среди стран по количеству желающих сменить свое гражданство (то есть выехать из страны) [19, с. 131], что выступает наглядным примером угрожающих масштабов бедности широких слоев современного украинского общества.

В этом плане заслуживает внимания позиция тех исследователей, которые обращают внимание на то обстоятельство, что «кланово-распределительная (то есть негражданская) экономика породила клановую демократию и «закрытую политику», которые в свою очередь легитимизировали функционирование этой негражданской экономики» [20, с. 18]. Таким образом, теневая экономика, которая порождает клановую демократию, имеет в конце концов общий знаменатель – огромные масштабы бедности современного украинского общества, без преодоления которых объективно сводится на нет дальнейшее развитие гражданских структур трансформационного украинского социума.

Итак, всестороннее осмысление социального аспекта бедности требует в первую очередь дальнейшего анализа такого специфического для Украины социально-экономического социально-политического феномена, как бедность именно работающих слоев, что, безусловно, способствует расширению наших знаний о сущности и специфике социального механизма функционирования трудовых отношений современного украинского общества. Дальнейшее исследование вопроса о бедности как деструктивном факторе функционирования социального механизма трудовых отношений дает возможность, с одной стороны, интенсифицировать научные поиски относительно путей, темпов вхождения Украины в общеевропейское социально-экономическое, духовное пространство, а с другой – более четко определить сущность и особенности той социально-экономической, политической ситуации, которая сложились на сегодняшний день.

Литература

1. Черноволентко В., Іващенко О., Симончук О. Проблеми статусної легітимізації політичних і господарських

еліт сучасного українського суспільства // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1999. – №4. – С. 5-28.

2. Геець В. Ліберально-демократичні засади: курс на модернізацію країни // Економіка України. – 2010. – №3. – С. 4-20.

3. Пыкина Т. Бедность как фактор и его влияние на социальную структуру современного российского общества // Вестник Бурятского гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – №14а. – С. 139-142.

4. Губин В. Русская культура и феномен насилия // Вопросы философии. – 1995. – №5. – С. 4-5.

5. Степико М. Буття етносу: витоки, сучасність, перспективи (філософсько-методологічний аналіз). – Київ: Знання, 1998. – 251 с.

6. Железний Р. Про причини, наслідки та... надію // Католицький вісник. – 2011. – №22(523). – С. 2.

7. Федотова В. Человек в экономических теориях; пределы онтологизации // Вопросы философии. – 2007. – №9. – С. 20-31.

8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

9. Судаков В. Праця як нормативно організований соціальний процес та форма спеціалізованої ігрової діяльності // Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки: збірник наукових праць. – Київ: Фенікс, 2010. – №10. – С. 6-11.

10. Сапір Жак. Україна: «Невидима рука» економічного занепаду (тези про недовість сучасних стратегій перехідного періоду // Політична думка. – 2000. – №1. – С. 65-77.

11. Інформація до роздумів // Голос України. – 2013. – 31 мая. – С. 10.

12. Жукова Е. Специфика профессиональной адаптации человека постиндустриального общества // Вестник Том-

ского государственного педагогического университета. Сер. Философия, история. – 1999. – №1(10). – С. 38-42.

13. Пахльовська О. Горизонт темряви. Площа шахів, або ж модель європейського часу // Український тиждень. – 2011. – 8-14 апреля. – С. 52-53.

14. Грант з Японії. Світовий банк підтримує структурні реформи в Україні // День. – 2006. – 26 октября. – С. 5.

15. Шевчук П. Соціальна політика. – Львів: Світ, 2005. – 400 с.

16. Сухий Я. Закон «Про зайнятість населення», перші уроки // Голос України. – 2013. – 4 июля. – С. 4.

17. Левцун О. Зовнішня трудова міграція в Україні як демографічна проблема [Електронний ресурс]. – URL: <http://dialogs.org.ua/ru/material/full/2/4040>.

18. Суббота. – 2004. – 25 марта. – С. 1.

19. Барматова С. Национальная идея в Украине: средство интеграции или основа политического раскола общества // Україна в пошуках себе: національна ідея, проблеми розвитку: збірник матеріалів експертів Всеукр. експерт. мережі / упоряд. О. Судакова. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – С. 125-133.

20. Степаненко В. Соціологічна концепція громадянського суспільства в пострадянському контексті // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2000. – №3. – С. 5-20.

Сухачев Станислав Акимович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Житомирского государственного университета имени И. Франко, г. Житомир, e-mail: zutoleranz@rambler.ru.

Sukhachov Stanislav Akimovich, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of philosophy, Zhitomir State University named after I. Franko, Zhitomir, e-mail: zutoleranz@rambler.ru.

УДК 141.2

© О.Б. Бальчиндоржиева

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию основных противоречий процесса модернизации. Автор также раскрывает содержание понятий «модерн», «модернизация». Отмечается слабость философских оснований главенствующих моделей модернизации, а также их ориентация на эмпиризм, позитивизм, эволюционную парадигму прошлого столетия.

Ключевые слова: современное общество, модерн, модернизация, рационализация, постмодерн.

O.B. Balchindorzhieva

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF A PROBLEM OF MODERNIZATION

The article is devoted to the study of fundamental contradictions of the modernization. The author also reveals the content of concepts modern, modernization. The weakness of philosophical bases of dominant modernization models is noted, as well as their empiricism, positivism, evolutionary paradigm of the past century.

Keywords: modern society, modern, modernization, rationalization, postmodern.

Что есть современное общество? На этот вопрос пытались ответить немало философов, ученых-обществоведов и т.д. В эпоху Просвещения акцент был перемещен на эмансипацию человека, рост его автономности и самоопределение. Благодаря изысканиям философов XVIII–XIX вв. были раскрыты экономические и поли-

тические ипостаси человека – производитель, собственник, гражданин и т.д.

Модерн как историческая эпоха характеризуется особым типом научного, рационального и философского мышления. Эпоха модерна формировала мировоззрение, характерными чертами которого были вера в науку, возможность